

Ольга Ларионова (Тюмен, Русия)

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РОДСТВА С ОНОМАСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОЙ ЗАГАДКЕ

Abstract. The article examines Russian riddles, and the functions of anthroponyms, theonyms and mythonyms found within.

Keywords: *Riddle, the model of metaphor, name study, family, folklore.*

Современное исследовательское поле ономастики включает многообразие номинативных компонентов, репрезентирующих проблему «человек и мир». Несмотря на длительные традиции изучения имен собственных актуальными остаются вопросы познания языковой картины русского мира сквозь призму фольклорных онимов.

Анализ имен собственных, функционирующих в текстах русских народных загадок, не раз становился объектом исследования ученых. Уже в 60-е гг. XX в., размышляя о специфике такого рода исследований, ономасты подчеркивали, что фольклорное имя собственное – «самая конкретная, а вместе с тем самая абстрактная категория, которая дает возможность проследить за превращением знака конкретного номинального значения в символ, в образ, в нарицательное понятие на языковых контекстах, фиксирующих историю народа, историю мировоззрения, историю слова» (Кондратьева 1964: 3).

Многоаспектный подход к проблеме интерпретации антропонимических компонентов в тексте загадки продемонстрирован А. В. Юдиным, поставившим задачу «по возможности полно реконструировать основные черты ономастического кода варианта традиционной картины мира, представленного в одном жанре восточнославянского фольклора, а именно в загадках» (Юдин 2007: 8).

В последнее десятилетие научный интерес к славянскому фольклору заметно оживился: появился целый ряд литературоведческих

статей и исследований, по-новому оценивающих народное творчество и его значение для современности. Возрастает интерес и к проведению специальных исследований такого устойчивого компонента культуры, как загадка.

Загадка, как неоднократно подчеркивали исследователи, оригинальное явление национальной культуры. Русские загадки издревле составляли органическую часть праздничного народного быта, будь то деревенские посиделки, святочные гадания или свадебный обряд. Образность, остроумие, лаконичность и очевидная простота загадок производили глубокое эмоциональное воздействие на всех участников процесса загадывания, поэтому «загадчик» всегда находил множество благодарных слушателей. География распространения загадки не имеет границ: знатока народной загадки можно найти в любом городе, селе и деревне России. Любовь славян к загадкам и сила воздействия народного слова были настолько велики, что они долгие годы сохранялись в памяти, передаваясь преимущественно в устной форме от поколения к поколению. Традиционно загадке в фольклоре отводилось особое место: её уникальность и этнопсихолингвистическая глубина никогда не ставились под сомнение. Загадка – душа национального языка, в которой неповторимым образом выражается своеобразие нации. Многовековое функционирование жанра русской загадки позволяет говорить о непрерывности народного творчества и развития эмоциональных явлений в процессе жизнедеятельности человека. Несмотря на отведенное фольклором место загадке как «малому жанру», интерес к ней не иссякает.

Фольклорная традиция определяет особую эстетическую переработку действительности: наделение актуальным смысловым комплексом значимых предметов и явлений окружающего мира. Тематика большинства русских загадок отражает практический опыт человека, его повседневную бытовую и хозяйственную деятельность, его знания о мире. Человек, находящийся в «центре мироздания», и в загадках занимает доминирующую позицию. «Мир души» русского человека в совокупности с его интеллектом, эстетическими вкусами, формами общения и поведения нашел в загадках достаточно полное воплощение, поэтому загадки, являющиеся материалом и нашего исследования, обеспечивают выход на актуальную проблематику,

связанную с общей антропоцентрической направленностью современной лингвистики, объектом внимания которой выступает языковая картина мира.

Уникальным фрагментом языковой картины мира, содержащим значительный информационный потенциал, включающим весь спектр национально-исторических и социокультурных ассоциативных коннотаций, являются семейно-родственные отношения. Результатом восприятия мира, выделения в окружающем пространстве «своего» и «чужого», стало использование для кодирования реалий действительности в загадках наименований родства. Явление это, на наш взгляд, естественное, мотивационно оправдываемое. Во все времена жизнь человека определялась жизнью его рода – большой семьи, состоящей из нескольких поколений родственников. Объединение по признаку родства – самая древняя разновидность общественной организации. Отношения родства веками связывались живыми нитями с характерными для народа установками и традициями общения, с устройством жилищ и одеждой, с культурами и обрядами, то есть проникали во все сферы социальной жизни. Культурное осмысление человеком категории родства, ее содержание и оценка нашли отражение и в народном творчестве, поэтому мотивы родства и метафоры семьи и родственных отношений стали в фольклоре регулярными. Заняли они важное место и в загадках. Лингвистический анализ текстов загадок с номинативными знаками родства в кодирующей части дает выход к архетипам языкового сознания, национальному мировоззрению, зафиксированным в языке, возможность проникнуть в национальную логико-понятийную систему и уточнить эмотивное содержание лингвокультуры «родство» в русском самосознании и поднять вопрос о расширении понятия «родство» и распространении этой категории за пределы собственно родственных отношений, определяемых связью людей по рождению.

Основой метафорической модели родства в русской загадке является вторичное значение номинативного знака родства, имеющего богатый когнитивно-семантический потенциал. За каждым номинативным знаком родства стоит комплекс этнических стереотипов. Семейно-родственный статус, родственная связь выступают ассоциатом, ведущим кодовым признаком. В качестве номинации предметов используются термины кровного и некровного родства.

При изучении метафорических моделей родства мы особо выделили метафорические модели родства с компонентом-антропонимом. Путем сплошной выборки из 50 сборников загадок, включающих 14 000 текстов, было выявлено 500 текстов загадок, содержащих в кодирующей части метафорические модели родства, из которых компонент-антропоним содержат 28 текстов.

Целью нашего исследования являлось выяснение мотива номинации, т. е. экстралингвистической причины выбора или создания определенного имени собственного для объекта загадывания. Объектом нашего внимания стали метафорические модели с донорскими концептуальными зонами (далее ДЗ) отец, мать, сын, дочь, брат, дядя, тётя, бабушка, дедушка. Под метафорической моделью мы понимаем «существующую или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» (Чудинов 2003: 64). Рассмотрение метафорических моделей родства с компонентом-антропонимом, функционирующих в русских загадках, позволяет определить, что именно осмысливается в терминах родства народными мастерами слова, что «присваивается», входя в сферу «своего», а что остается за пределами данной сферы. Ввиду большого объема материала в данной статье приводим лишь некоторые наблюдения.

1) Метафорическая модель с ДЗ «мать». Олицетворение природных явлений стало основой разнообразных поэтических образов в фольклоре. Широко распространена русская загадка «Заря Заряница, Красная дсвица Врата запирала, По полю гуляла, Ключи потеряла, Мсяць¹ видел, А солнце скрало» (Садовников 1876: 240, № 1935). По-разному ценили Утреннюю Зарю и Вечернюю Зарю. Больше на Руси почитали Утреннюю Зарю – богиню света, прогоняющую тьму, Деву-Воительницу. В заговорах к ней обращались со словами: «Заря-Заряница, Солнца сестрица! <...> Выйди ты, девица, Заря-Заряница, в чистое поле, а в чистом поле стоит рать могучая, а в рати оружий сметы нет. Закрой ты, девица, Заря-Заряница, меня своей фатой: от силы вражьей, от пищали, от стрел, от борца, от кулачного бойца, от ратоборца» (Мифы и легенды славян URL). Ритуалы прославления Зари

¹ В статье сохранена орфография оригинала.

и обращения к ней за помощью в последствии были модифицированы. «В эпоху христианскую древнейшие воззвания к стихийным божествам подновляются подставкою имен спасителя, богородицы, апостолов и разных угодников; в народные заговоры проникает примесь воззрений, принадлежащих новому вероучению, и сливается воедино с языческими представлениями о могучих силах природы: Христос, «праведное солнце», отождествляется с божеством дневного света, Пречистая Дева – с красною Зарёю, Илья-пророк, Николай-угодник и Георгий-победоносец заступают место Перуна» (Афанасьев 1988: 344). Этим объясняется замена после принятия христианства языческой Зари-Заряницы образом Пресвятой Богородицы в загадке: «Мать Марія По полю ходила, Ключи обронила, А солнце взяло (Роса) (Садовников 1876: 240, № 1935 е; Мартынова - Митрофанова 1986: 354, № 100)». В советское время загадка о росе снова претерпела изменения. Цензура не одобрила поэтическое воплощение росы в образе Богородицы и метафора была заменена антропонимом Орина (возможно (?) звукоподражание роса – Орина), что окончательно разрушило замысел загадки: «Долгая Орина по мосту ходила, ключи обронила, месяц видел, солнце взяло (Роса) (Круглов 1987: 72)».

2) Метафорическая модель с ДЗ «отец», «мать», «сын», «дочь». В загадках отразилась Православная традиция соблюдения Поста – послушания Церкви, заключающегося в целенаправленном, осознанном воздержании от еды животного происхождения с целью духовного и телесного очищения. «Семьей» изображаются в загадке основные Православные Посты: «Отець великъ, Сынъ Филиппъ, Мать Петровна, Дочь госпожа (Три поста и Госпожинки) (Садовников 1876: 259, № 2086)». Отгадка не менее интересна, чем загадка: Отец – Великий пост (февраль-апрель), сын – Филиппов пост (простореч. Филипповки, или Рождественский, ноябрь-январь), мать – Петров пост (июнь-июль), дочь – Госпожинки (простореч., праздник Успения Пресвятой Богородицы (в церк. книгах – Госпожи, август). Великий пост «по старшинству», продолжительности (48 дней вместе со Страстной седмицей) и важности для православных христиан (перед праздником Святой Пасхи) именуется Отцом. Филиппов пост, соблюдаемый также 40 дней – сыном (по аналогии с евангельским «Бог-Отец и Бог-Сын»). Продолжительность Петровского поста – от вось-

ми дней до шести недель. Дни строгого поста сочетаются с днями послабления. Разнообразие и щедрость летних природных «угощений» ассоциируется с питающей функцией матери. Завершается «семейная композиция» образом дочери, кодирующим в загадке праздник. Названия Православных постов используются как имена «членов семьи». Человеку, которому требуется разгадать эту загадку, необходимо обладать значительным объёмом знаний литургического православного круга.

Возвращаясь к особенностям экстраполяции термина родства мать в текстах русских загадок, отметим, что в различных способах толкования загаданных реалий, в приписываемых им признаках, в привлекаемых сравнениях и ассоциациях сохранилась архаическая картина мира, центральное место в которой занимает мировое дерево. «Образ дерева – одно из уникальных изобретений человечества, которое определило структуру всех мифологических систем. Благодаря мировому дереву человек увидел мир как единое целое и себя в этом мире как его частицу (Кулемзин – Попов – Доманский 2010). Мировое дерево, задающее и горизонтальные координаты пространства, в загадках отождествляется с дорогой (Когда свет зародился, тогда дуб повалился и теперь лежит) и матицей. «Матица – балка, брус поперек всей избы, на котором настлан накат, потолок – является сакрально значимым элементом жилища, позволяющим оценивать нахождение человека под ней как указание на его обрядовый статус. Поперечное положение матицы обусловило то обстоятельство, что ей приписывается роль границы между «внутренней» («передней») частью дома и «внешней» («задней»), связанной с входом/выходом» (Даль 1882: 307). В загадке матица названа матерью: «Мать въ избѣ, Рукава – на дворѣ (Матица) (Садовников 1876: 5, № 48). Матица выполняет функцию основы, поддерживает потолочные доски; ассоциация с матерью прозрачна.

В сборниках мы нашли еще одну загадку о матице: «Семьдесят семь Симеонов, Одна мать Матрена (Доски потолка на матице) (Даль 2007: 140)». Она относится к тому подтипу загадок, образ которых характеризуется некоторой неопределенностью, но разгадке помогает, во-первых, «звуковая подсказка»: мать → матица (звукоизвлечение), а во-вторых, – «обращение» к сознанию наших предков: «Небо, видимое очами смертного» представлялось славянину «ог-

ромным блестящим куполом, обнимающим собою и воды, и сушу, круглою прозрачною чашею, опрокинутою над землею. Обыкновенно оно называется небесным сводом» (Афанасьев 1982: 52). Существовали и невидимые небеса, состоящие из 7 ярусов. Славяне верили, что «на самом верхнем, седьмом, обитает Бог, там находится его небесный дворец (поэтому о человеке, испытывающем блаженство, говорят, что он «на седьмом небе от счастья»))» (Гура 2000: 10). Поэтому многочисленные доски потолка закодированы с помощью числа 77 не случайно («удвоение» числа – традиционная для русского фольклора гиперболизация. Ср. с другой загадкой: «Тень-потетень, заплету плетень в 77 рядов, выше сел и городов (Колокольня»)).

Дети в семье являлись продолжателями рода. Переходным знаком рода у славян долгое время выступало отчество. «Отчество, или патронимическое имя – это назывное слово, указывающее на связь с личным именем предка именуемого» (Фролов 2005: 91). В своих работах по русской антропонимике Н. К. Фролов говорит о том, что «значение термина «отчество» в дофамильный период русского народа было значительно шире его современного понимания. Указывая на ближайшую родственную связь, отчество отражало культ главы семьи. <...> Именно отчество, его морфологическая структура, явились прообразом будущих родовых и семейных прозваний, ставших в последствие фамилиями» (Фролов 2005: 98).

В современном русском языке патроним оформляется грамматически путём прибавления к основе полного имени мужских суффиксов *-ич*, *-ович*, *-евич* и женских – *-ична*, *-инична*, *-овна*, *-евна*. «В Древней Руси отчество создавалось «от древнерусских автохтонных имён с помощью притяжательных суффиксов *-ь* (из **-jь*), *-ичь* (из **-itjь*) с их этимологически уменьшительным значением), *-ин*, а также *-ов*, *-ев*, как правило, от неславянских по происхождению имён» (Фролов 2005: 92). Н. К. Фролов отмечает, что «отчество в древнерусском обществе выполняло две функции: социальную (указательную) и стилистическую (величальную)» (Фролов 2005: 93). «Чествование» людей различалось «классовостью»: «князья в официальном и бытовом обращении именовались отчеством на *-ич*, а простые люди в официальных документах – полуотчеством с суффиксом *-ов*, и словом «сын» или «дочь» (Иван Петров сын, Марья Васильева дочь)

(Фролов 2005: 96-97). Слово «сын» признали необязательным в составе именованя в 1849 г. Таким образом, отчество было «сословным номинативным знаком». Несмотря на запреты власти использовать «величальную» форму отчества, она постепенно (к XIX в.) прижилась в общении простого народа.

Загадка, родившаяся и бытовавшая в крестьянском мире, приняла «оценочно-характеристическую» форму именованя людей для «очеловечиваня» обычных предметов. Оригинальность формы выражения народной мысли, искромётный юмор обнаруживают загадки «Тарасова дочь Тарасомъ трясеть, Семьдесятъ семь на себѣ ризокъ несеть (Курица) (Садовников 1876: 112, № 925); Антипкинь сынъ подтыкался, Пошелъ въ лѣсъ свиней загонять (Вши и гребень) (Садовников 1876: 211, № 1689 и); Сѣчка сѣчет, Деревяшка везеть; Телепежкинь сынъ Заворачиваетъ (Ѣда: зубы, ложка, языкъ) (Садовников 1876: 60, № 493); Деревяшка возить, Костяшка рубить, Холезовъ сынъ Заворачиваетъ (Ѣда: зубы, ложка, языкъ) (Садовников 1876: 61, № 493 з); Тынъ Тыновичъ, Сынъ Ивановичъ Сквозь земли прошель, Въ мошнѣ голову пронесъ (Луковица и лукъ) (Садовников 1876: 90, № 743)». Эти тексты «играют» именами. С одной стороны, антропонимы способствуют созданию комического эффекта благодаря их «величальной» форме, с другой – «раскрывают» предмет внимательному отгадчику. Похожие на первый взгляд загадки различаются механизмами метафоризации предмета с помощью антропонима.

Представленные загадки можно разделить на три небольшие группы:

1. загадки, в которых в процессе метафоризации задействовано значение имени. За «отцом» Тарасом, имя которого означает «приводить в смятение, тревожить» – «скрывается» трясущая перьями («ризками») курица – «дочь». Парадоксом в загадке является то, что курица оказывается «дочерью» собственного оперения (сложный ассоциативный перенос «внешний вид элемента одежды человека ← человек → элемент тела домашней птицы»). «Сын» (гребень) Антипа (в простонародье Антипки), «упорного, крепкого, отражающего удары» «сражается» со вшами (ассоциативный перенос «человек → предмет личной гигиены»);

2. загадки, оперирующие звуковой оболочкой вымышленного имени. Метафоры-патронимы в загадках о языке (Телепежкинь сынъ,

Холезовъ сынъ) имеют диалектную основу: телепаться – болтаться, мотаться, висеть и качаться (южн.-зап., В. Даль); халезить – лстыть, болтать, смеяться над кем-либо; мужское имя-прозвище – Халез (сев.-рус., М. Фасмер) (сложный ассоциативный перенос «человек → часть тела человека»);

3. загадки, где антропоним создан путём повтора названия предмета, «замещающего» загаданный (таутоним). Тынь Тыновичь, Сынъ Ивановичь – красивая и сложная именная форма, «величающая» обычный лук. Народный автор творчески подошёл к созданию загадки, сравнив прутья тына (плетня, (Даль 2007: 317)) с «перьями» лука (сложный ассоциативный перенос «человек →! сельскохозяйственное растение ← сельскохозяйственное сооружение»). Семантика слов «прут» и «перо» различна, но перенос становится возможным на основе признака «стоящий прямо».

Выбранные крестьянином модели патронимов подчеркивают «простое происхождение» загаданных предметов, причем все они не имеют «родственников» в своих загадках, за исключением «принадлежности» отцам по отчеству.

3) ММ с ДЗ «брат». Отношения братьев являются идейным стержнем значительного количества фольклорных сюжетов (сказок, былин, песен и др.), повествующих либо о взаимовыручке братьев, либо об их взаимной вражде и соперничестве. Мотив соперничества братьев стал ассоциативной базой для метафоризации в загадках, например: «Два брата бранятся Не наспорятся, Другъ съ другомъ дерутся – Не разойдутся (Жернова) (Садовников 1876: 134, № 1087); Два братца хотят подраться, да друг друга достать не могут (Вёдра на коромысле) (Круглов 1987: 84, № 139; Елкина - Тарабарина 2010: 216), но такое «поведение» «братьев» является исключением. В основном в загадках говорится о дружеских взаимоотношениях, совместной деятельности «братьев»: вместе пахут землю ножи плуга: «Братья Данилы Дорогу до глины пробили (Пашуть) (Садовников 1876: 144, № 1196); сеются и прорастают зёрна: «Начали братцы из зыбки выбираться, На землю упали – зелеными стали (Зерно прорастает) (Мартынова - Митрофанова 1986: 403, № 988); гребут вёсла: «Станут два братца В речке купаться: Вынырнут вместе, Вместе нырнут – Лодке на месте стоять не дадут (Лодка с вёслами) (Вино-

градова 2008: 190; Дмитриева 2009: 192)»; льют молоко в ведро соски коровьего вымени: «Четыре брата в одну конурку из мешка льют (Корову доят) (Мартынова - Митрофанова 1986: 373, № 473)» и т.д.

В некоторых загадках имеет место *выделенность одного из загаданных элементов* на фоне общей «родственной» ситуации. Для кодирования такого элемента выбирается другой термин родства, например, как в загадке о пальцах: «**Четыре брата, Пятый дядя** [Садовников 1876: 224, № 1798; Мартынова - Митрофанова 1986: 369, №398]». Но иногда для именованя элемента-«не родственника» используется антропоним, например: «*Два брата молотят, А Андрюшка ворочать* (Язык и зубы) (Самарск. губ., Ставроп у., с. Озерки) [Садовников 1876: 217, № 1742] (Верхняя и нижняя челюсти – братья, язык – Андрюшка).

4) ММ с ДЗ «тётя», «дядя». В целом ассоциативный потенциал данных номинативных знаков родства практически не используется в кодировании в классических и современных загадках. В современных текстах термины дядя и тётя употребляется в основном в значениях «молодой мужчина» и «молодая женщина». Большую часть извлечённых для анализа современных текстов с интересующими нас терминами в кодирующей части, составляют загадки с метафорическими моделями, содержащими антропонимы: «Ну и вилка! Ну и вилка! Этой вилкой Гулливер Мог бы целого барана Скушать сразу, например... А сосед мой дядя Сеня Поднимает ею сено! (Вилы) (Красильников 2009: 16); У дядюшки Никона Вся лысина истыкана (Наперсток) (Елкина - Тарабарина 2010: 19); Дядя Хлыст и тётя Нить Простачков пошли ловить, Одурачить простаков Пригласили червячков (Удочка) (Узорова 2007: 182) и др.». Имена собственные использованы авторами первых двух загадок для рифмы (Сеня – сено, Никона – истыкана). В последнем тексте нарицательные имена существительные нить, хлыст преобразованы остроумным автором в имена собственные. Этот приём придал «очеловеченным» удилицу и леске «статности», а «ситуации», предложенной в загадке, – комический оттенок.

В народной загадке «У тётюшки Фелицы Есть четыре сестрицы; Изъ нихъ двс-то хвалятся: «Мы дслать горазды!» Другія хвалятся: «Мы ходить горазды!» (Руки и ноги) (Садовников 1876: 224, № 1793; Мартынова - Митрофанова 1986: 368, № 393)» «тётюшкой»

назван человек, а его руки и ноги именуются «сестрицами». В данном случае термины используются для кодирования отношений «целого» и его «частей».

5) ММ с ДЗ «дед (дедушка)», «бабушка». Веник (голик) и помело в народном сознании тоже связаны с бородой деда. Так и говорили на Руси: «У бедного мужичка борода клином, у богатого помелом» (Помело – пук мочал или тряпья, ветоши, или хвойнику) (Даль 2007: 232). Загадки: «Въ углу, за полой Стоит дедъ съ бородой (Помело) (Садовников 1876: 36, № 315 и); Ужь ты ежь, ежь, Ты куды ползешь? — На боярскій дворъ. Тамъ дедушка Афанасій Лычкомъ подпоясанъ; Лычко спало, Татарочка украла (Растрепаный голикъ)» (Садовников 1876: 34, № 302). В данном случае борода деда представляется растрёпанной, похожей на старый веник. Интересно сравнение последней загадки с другой: «Маленький Фанасикъ Лычкомъ подпоясанъ (Голикъ)» (Садовников 1876: 33, № 296 а), в которой новый веник (голик) называется «маленьким Фанасиком». Банный веник в загадке также называется дедушкой: «Дедушка Сидоръ Гнетъ бабушку сидя; Показалось негоже, Давай ее – лежа; Подогнуль къ потолку Да ну ее по холку (Банный всникъ)» (Садовников 1876: 132, № 1066). Помимо того, что данная загадка имеет очевидную двусмысленность, она интересна тем, что в ней наличествует семантическое пересечение: метафорического образа веника (дедушка) и прямой номинации бабушка, несмотря на то, что разгадчику, а, следовательно, его сознанию, бабушка и дедушка предлагаются как пара. Загадок с «участием» дедушки Сидора в русском фольклоре несколько: «Дѣдушка Сидоръ Гнетъ баушку сидя; Сидя-то негоже, Дай-ка я лежа (Сонъ) (Садовников 1876: 255, № 2051) (Ассоциативный перенос «осанка человека → физиологическое состояние человека», общий семантический признак – «склонённый (клонить)»); Дѣдушка Сидоръ На баушку прыгаль (Коромысло) (Садовников 1876: 52, № 423 б) (Ассоциативный перенос «осанка человека → форма орудия крестьянского труда», общий семантический признак – «согнутый»).

В загадках с ДЗ «дед» нами были выявлены следующие имена: дедушка Сидор, дедушка Афанасий, дед Ермолай и дедко Коптел. Значение первых трёх имен и их место в народном календаре никак не связано с загаданными реалиями: «Сидор – «дар Изиды, богини

плодородия (греч.)» (в народ. календаре: Сидор-огуречник (27 мая)); Афанасий – «бессмертный» (греч.) (в народ. календаре: Афанасий-ломонос (начало сильных морозов) (31 января)); Ермолай (Ермак) – «вестник народу» (в народ. календаре: Ермолай – хлеб прибирай (8 августа))» (Народный календарь URL). Выбор имени в загадках определяют рифма, ритм и фонологическая структура «опорного» слова. Причем точность рифмы чаще необязательна (фольклорная рифма – рифма произносимая): Сидор – сидя, Афанасий – подпоясан, Ермолай – дай. В приведённых текстах «опорными» являются слова «сидя», «подпоясан» и «дай».

Горшок в загадке именуется дедко Коптел: «Дсдко Коптсль Много лсть терпсль, Много душъ кормиль (Горшокъ)» (Садовников 1876: 38, № 322 п). «Имя» горшка связано с его использованием – помещением в печь для приготовления пищи, его «копчением» в ней, покрыванием копотью (Ассоциативный перенос «человек ?! предмет домашнего обихода (посуда)»). Огонь в современной загадке – Дед Ермолай: «Наш дед Ермолай Съест всё, что ни дай (Огонь)» (Виноградова 2008: 186; Дмитриева 2009: 189; Елкина - Тарабарина 2010: 205) (Ассоциативный перенос «человек → природный элемент (проявление)»).

Использование имени Софья в загадке «Бабушка Софья День и ночь сохнуть; Утро придетъ Она вонъ уйдетъ (Заслонъ) (Садовников 1876: 16, № 138 б)» объяснил Д. Н. Садовников: «Сохнуть Софья – аллитерация, созвучие в начале слов, нерядко встречающееся в складной речи нашего простолюдина (Садовников 1876: 314)». Антропоним Варвара в тексте: «Бабушка Варвара всюду их искала. Не залезла чуть в трубу, А они нашлись на лбу (Очки) (Аванесова и др. 2005: 90) служит рифмой к «опорному» слову искала.

Таким образом, мы можем сделать выводы об экстралингвистических причинах выбора или создания имен собственных для объекта загадывания:

- 1) антропоним в загадке является средством персонификации (антропоморфизации) загаданного предмета или явления;
- 2) выбор замещающего имени в загадках определяют грамматический род названия загаданного предмета; рифма, ритм и фонологическая структура «опорного» слова. Значение антропонимов часто не связано с загаданными реалиями;

3) «очеловечивание» предметов с помощью их нарекания шуточными именами вносит в сложный процесс метафоризации элемент языковой игры.

Библиография

Аванесова и др. 2005: 1 000 загадок. Для детей 3–6 лет / А. Аванесова, Е. Авдиенко, В. Бакалдин и др. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 240 с.

Афанасьев 1982: Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с.

Афанасьев 1988: Афанасьев А. Н. Живая вода и вещее слово. М.: Сов. Россия, 1988. 512 с.

Виноградова 2008: 1000 загадок для самых умных малышей / Авт.-сост. Е. Виноградова. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. 225 с.

Гура 2000: Гура А. Мифы славян. М.: Слово/Slovo, 2000. 48 с.

Даль 1882: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Изд. 2-ое. СПб.; М., 1882.

Даль 2007: Даль В. И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание: ок. 1 500 ил./В. И. Даль. М.: Астрель: АСТ, 2007. 349 с.

Дмитриева 2009: 1000 загадок для мальчиков / Сост. В. Дмитриева. М.: Астрель; СПб.: Сова; Владимир: ВКТ, 2009. 256 с.

Елкина - Тарабарина 2010: 1 000 загадок. Популярное пособие для родителей и педагогов / Сост. Н. В. Елкина, Т. И. Тарабарина. Ярославль: Академия развития, 2010. 224 с.

Кондратьева 1964: Кондратьева Т.Н. Собственные имена в пословицах, поговорках и загадках русского народа // Вопросы грамматики и лексикологии / Науч. ред. М. Ф. Моисеенко. Казань, 1964. С. 98–188.

Круглов 1987: Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия: учеб. пособие для студентов нац. отд-ий пед. ин-тов / Сост. Ю. Г. Круглов. 2-е изд., дораб. Л.: Просвещение, Ленинградское отделение, 1987. 655 с.

Кулемзин - Попов - Доманский 2010: Природа славян [Электронный ресурс] / В. М. Кулемзин, Л. Е. Попов, В. А. Доманский, 2010. Режим доступа: <http://ou.tsu.ru/school/natureslav/15.html>.

Лазутин 1981: Лазутин С. Г. Метафоры в загадках / Язык и поэтический стиль // Лазутин. Поэтика русского фольклора: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 221 с.

Лекомцева 1994: Лекомцева М. И. Семиотические аспекты «индексальной» загадки // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1. М., 1994. С. 214–22.

Мартынова - Митрофанова 1986: Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. 512 с.

Мифы и легенды славян URL: Мифы и легенды славян / Заря-заряница [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://himera-zp.at.ua/publ/mify_i_legendy_slavjan/zarja_zarjanica/3-1-0-57.

Народный календарь URL: Народный календарь [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.rossichy.ru/ncalendar>.

Садовников 1876: Загадки русского народа. Сборник загадокъ, вопросовъ, притчъ и задачъ / Составил Д. Садовниковъ. С.-Петербургъ. Типографія Н.А. Лебедева, Невскій пр., д. № 8. 1876. 334 с.

Фролов 1994: Фролов Н. К. Функции антропонимов в художественном тексте // Духовная культура Сибири. Тюмень, 1994. С. 157–164.

Фролов 2005: Фролов Н. К. Избранные работы по языкознанию: В 2 т. Т. 1. Антропонимика. Русский язык и культура речи. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2005. 512 с.

Чудинов 2003: Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). Екатеринбург, 2003. 194 с.

Юдин 2007: Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М.: ОГИ, 2007. 120 с.